

Протоиерей Александр Пивоваров

Воспоминания

Родился я в 1939 году в г. Бийске Алтайского края. Жили мы в собственном доме. Помню, как строили новый дом дед и родители. Удивляюсь, как много люди раньше трудились. В Мичуринском переулке под горой стоял наш дом, имели небольшой огород, большую стайку, всегда держали корову, были поросята, куры.

Мама Анна Никифоровна была большая труженица, всегда по дому хлопотала, без дела сидящей ее не помню. В семье было четверо детей, я — старший, две сестры и младший брат. Дедушку помню седого, с большой бородой. Запомнилось, как он нам рассказывал о жизни Адама и Евы в раю, и как Господь пришел к ним.

Сознательная жизнь началась в более старшем возрасте под руководством родителей. Они были люди простые, на двоих, как они говорили, один класс имели, могли читать. Были они людьми набожными и религиозными. Папа работал на заводе в охране, мама — на железной дороге, развозили продукты по малым станциям. После войны она уже не работала, занималась нашим воспитанием.

Родители — неукоснительное правило существовало в семье — утром и вечером молились и с самого детства приучали молиться детей. Все полагающееся вычитывалось. Папа имел Библию, Евангелие, акафисты, жития святых. Мы с детства знали все молитвы на память. Пели их, выучивали автоматически и даже не представляли, как нам потом это пригодится в жизни. Все праздники, все воскресные дни мы с папой посещали церковь с самых малых лет. Успенская церковь в Бийске находилась в километрах 4-х от нашего дома, и мы в этой церкви с детства воспитывались. Школа и светские власти противодействовали религиозному воспитанию. Но здесь родителями был найден выход: мы, дети, стали петь в хоре. Он находился в храме наверху и любопытствующему взору был недоступен. Так дети были покрыты самой церковью и могли участвовать в службах.

В 1946 году я пошел в школу. В те времена шла активная атеистическая борьба, и потому начались разные притеснения. Родители были категорически против вступления детей в пионерскую и комсомольскую организации, а мы не могли их послушаться. Положение стало нетерпимым. И с 8 по 10 класс мне пришлось обучаться в другой школе, в другом районе города. Там уже меньше обращали внимания на меня учителя и вожаки класса.

Года два назад я был в Кемерово. Владыка пригласил меня посетить Воскресную школу, руководительница детей обратила на меня внимание, подошла ко мне, и у нас состоялся такой разговор:

— *Ваша фамилия Пивоваров?*

— *Да.*

— *А имя Александр?*

— *Да.*

— *А ведь мы учились вместе, ты меня не помнишь?*

— Нет, не помню. Ведь 40 лет прошло после окончания школы, все мы изменились.

— А я — бывший комсорг нашего класса, и ты мне столько работы давал, из-за тебя наш класс отстающим был, и я боролась против тебя, а вот теперь руковожу Воскресной школой, и здесь же работает моя дочь!

Вот такие интересные встречи и перемены происходят иногда в жизни.

В 1956 году я окончил школу и покинул Сибирь. Я уехал в Одессу, мне было 17 лет. Все было как у всех детей, но тут желание родителей и мое совпадали, все это было мне по душе — свою жизнь посвятить служению Богу. Это было плотью и кровью моей — вера в Господа. Нельзя сказать, что родители занимались нашим религиозным воспитанием — это был образ жизни. Открывалась одна из 12 объемных книг святителя Дмитрия Ростовского «Жития святых» и все жития святых, которые приходились на этот день, обязательно прочитывались. Чаще всего приходилось читать мне, потому что я был наиболее грамотным в семье.

Папина инвалидная пенсия была маленькой, а мама была домохозяйкой. В собесе выделяли землю для посадки картофеля. Родители брали два участка и мы, дети, активно работали: пололи, копали, убирали — выполняли всю необходимую работу, но и игры не запрещались. Собирались на улице хорошие друзья-мальчишки. Будучи уже священником, я встречался с ними, приятно было поговорить.

Но мне было легче, я прошел более легкий путь, чем мои сестры и брат. Усиление атеизма они основательно ощутили на себе. Их школьные годы пришлось на период укрепления власти Хрущева.

В старших классах регент нашего церковного хора Ерохина Мария Ивановна возила меня по святым местам. Она меня любила. Мы побывали в Почаеве, в Киеве, Красногорском женском монастыре — в городе Золотоноша.

В Одессе в семинарию меня не приняли, так как мне было лишь 17 лет, а принимали в семинарию с 18 лет.

Домой возвращаться было нельзя, так как за нашей семьей началась уже «охота». Я поехал в Красногорский монастырь и там год отработал псаломщиком. В 18 лет я поступил в Одесскую семинарию. В семинарии мне было учиться легко, потому что я с детства многое уже знал. Я был помощником библиотекаря, регентом хора ребят — мне за это денежку платили. В то время мне казалась эта сумма фантастической. Я мог даже помогать своей семье. Посылал деньги, а чаще посылки с сухофруктами и вещами.

Специальные службы, вероятно, сообщили в Бийск, что из их города Пивоваров поступил в семинарию. С родителями много беседовали разные представители, угрожали, но они, да и мы уже знали, что существовал мир страдающих и гонителей, и потому психологически сломить нас было невозможно. Брат и сестры испытали гонений больше. Газеты изобличали «темное царство» — так писали о нашей семье. В сознании ясно было: есть мученики, и есть гонители, другое просто не воспринималось. Мы знали: так должно быть.

Несмотря на все это, а может быть, именно смотря на это, и по Божьей милости, укреплялась наша вера. Родители не могли быть другими и перемениться не могли. В семье существовал самый строгий патриархат, хотя всем в семье руководила мама. Вероятно, она думала,

предполагала, но никогда не спорила. Она не перечила отцу. Папа был воспитан в домостроевских традициях. Он никогда не наказывал нас, но мы его боялись. Мама страдала: *«Вот я отцу расскажу...!»*. Хотя папа ни разу не ударил нас, мама иногда за ослушание поддавала прутиком, приговаривая: *«Я-то что, прутиком вас, а вот доберется до вас отец — будете знать»*.

В семье никакого «воспитания» не велось. Все было нормой жизни. Мы, к примеру, знали: пост он и есть пост, и вопросов потому не возникало. Что кушали, во что одеты — то и хорошо было. Никаких понятий о моде не имели. Мы всегда были сыты, голода у нас никогда не было. Как это удавалось? Первое — много трудились и обеспечивали себя. Второе — папа своей набожностью был известный человек. Его всегда звали читать Псалтирь по покойникам. Труд его вознаграждался каким-либо образом. Он был уважаемым человеком среди верующих. Учителя же держали себя на дистанции, не хотели иметь дел с «попами». Слово это приклеивалось к нам с детства. Других проблем с учителями у нас не было, не давали повода. Все было в порядке: учебники, поведение, уроки, все требования нами выполнялись. Гуманитарные предметы нам нравились больше. Ходил в школу, потому что знал, «так надо».

В 1960 году я закончил семинарию, женился, венчался и стал священником. Как я уже говорил, папа был уважаемым человеком среди верующих, а таких в Бийске было немало. На нашем венчании в Успенском храме было очень много народа. В то время такое торжественное венчание с пением хора — редкое событие! А вскоре я приехал в родительский дом уже священником. Это был большой «прокол» в атеистической работе. Тогда приложили ещё больше усилий по «спасению» остальных детей Пивоваровых. 13-летнюю сестру Лену увезли прямо из школы в интернат в Барнаул.

Летом 1961 года папу осудили на 2 года за то, что он «испортил» всех детей тем, что вел религиозное воспитание. Суд сделали показательным, судебный процесс проходил в драмтеатре. И вот папу посадили, мама осталась одна с Борисом, который перешёл в четвёртый класс. Сестру Татьяну мы с матушкой Ниной взяли к себе в Красноярск, где я служил. Конечно, помогал, чем мог.

Папу за хорошее поведение освободили из лагеря к осени 1962 года. Семья приняла решение — переехать в Красноярск. Ведь отцу говорили, мол, мало тебе одного раза, мы тебя еще посадим. Но поскольку я был уже священником, мы попали под закон внешней защиты религиозной свободы.

Родители продали свой дом в Бийске и купили в Красноярске на горе за часовней. Лена вернулась в родительский дом — приехала в Красноярск. Теперь все они живут в Новосибирске и трудятся в церкви. Лена стала монахиней, много лет трудилась псаломщиком и теперь несет послушание в соборе и в богословском институте. Младшая сестра Татьяна — регент Архиерейского хора Вознесенского кафедрального собора в Новосибирске, муж ее — протоиерей Александр Реморов — ректор богословского института и священник собора. Брат протоиерей Борис — настоятель храма в Новосибирском Академгородке. Все посвятили жизнь служению Богу; ну, а власти все продолжали решать: где они не досмотрели, где недостаточно поработали.

На нас перестали обращать пристальное внимание, как на отпетых людей — церковников. А раньше вели борьбу за нашу семью, была цель — не дать погибнуть Пивоваровым. До 1965 года в хрущевскую оттепель демонстрировали всем, что у нас религиозная свобода и ущемления прав людей нет. Стало легче материально. Память о наших родителях светлая.

Помню, меня отец иногда брал с собой почитать при покойниках, попеть. Умер папа в 1985 году, он совсем ослеп, к лечению относился скептически. Родители постоянно были чем-то заняты, а в воскресные и праздничные дни обязательно посещали церковь и все полагающееся вычитывали.

В своем религиозном становлении я всем обязан родителям. Веру нашу укрепило внешнее противодействие. Легко ли было родителям противостоять громадным идеологическим силам? Сила моих родителей была в крепости их духа. Бывало, после смерти людей, по которым папу приглашали читать Псалтирь, их неверующие дети отдавали отцу иконы и духовные книги. Так в доме родителей собралось много икон и хорошая библиотека духовной литературы, которая всей семье помогла укрепляться в вере и выстоять. Мы выросли на традициях духовной литературы, она нас воспитала. Поэтому мир в нашем сознании делился на гонителей и гонимых, это нами воспринималось как естественное состояние.

И вот пришло время. Я закончил семинарию, вернулся в родительский дом. Отец мне и говорит: *«Вот мы нашли тебе невесту, тут есть батюшка Роман, а у него есть племянница Нина в Новосибирске, вот и бери ее»*. Съездил я за ней, поженились мы и уехали по назначению на первый мой приход, в Красноярск.

И вот я, молодой священник, имею горячее желание послужить Богу, отдать все свои силы укреплению Православия. Мой первый храм — в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Настоятелем был протоиерей Вадим Красноцветов, а я был четвертым священником. В мои обязанности входило каждый день служить, исполнять требы, мое дело было встречать людей, венчать, крестить, совершать службы. Это были самые беззаботные годы служения, начало семейной жизни. Жили мы с матушкой в церковном доме недалеко от речного вокзала. Матушка пела в хоре. Там родилась дочь Ангелина.

В 1965 году меня перевели в г. Томск. Наступили времена воинствующего атеизма: нельзя было в людях зажигать веру в Господа. В церковь приходили представители власти имущих. Со мной, как с искренне верующим человеком, начали беседовать представители органов о политике партии и государства.

Это были трудные времена, и потому я оказался в Томске. Разработана была целая система, имелась комиссия по соблюдению законодательства о культурах, где было много представителей из разных организаций, но, прежде всего, учителя школ. Комиссии вменялось в обязанность бывать в храме на службах. Они стенографировали проповеди и докладывали об их тематике на своих заседаниях. Из их доносов и определялась благонадежность священника, вредность его служения против отечества и государства, устанавливалась слежка с целью ограничения его деятельности. Чтобы избавиться от слишком активного священника, его переводили с места на место: чтобы не пускал глубоких корней в этой местности, чтобы не рос его авторитет среди прихожан, чтобы к нему не успели привыкнуть.

В Томске в 1965 году было 2 храма: Петропавловский собор и Троицкая церковь. В обоих храмах было по три священника. Настоятелем нашего Петропавловского храма был игумен Роман. Это мой родственник — дядя моей супруги. Там я прослужил 10 лет, стал настоятелем храма и благочинным церковью Томской области (в области имелось три храма). И в соседних областях было не больше церквей — власти вели соревнования по закрытию церквей, уменьшению их количества. Новую церковь в те годы открыть практически никому не удавалось — Совет по делам религий в Москве не регистрировал. Требовались согласования на всех уровнях — представление

огромного количества документов. Находили тысячи причин для отказа в праве верующим объединиться и зарегистрироваться.

Уполномоченным по делам религии в Томске был Смирнов — представитель старой гвардии убежденных коммунистов. Он следил истово за соблюдением законодательства о культах, и мы ему доставляли много хлопот. Меня неоднократно предупреждали и напоминали о политике партии. И вот однажды, в 1965 году, когда в проповеди я рассказал про Клавдию Устюжанину, на меня завели уголовное дело. Уполномоченный подал иск в суд по признакам нарушения закона, ст. 144 — вымышленные чудеса и фабрикация вымышленных чудес. Меня начали обучать новой стороне жизни — иметь дела с правоохранительными органами.

О Клавдии Устюжаниной сейчас есть и брошюры. Она побывала в состоянии клинической смерти. Придя в себя, она рассказала, как душа ее побывала в загробном мире. Она увидела ад и рай и стала глубоко верующим человеком. Ее случай — не секрет. К ней приезжали многие люди из разных мест, чтобы увидеть её и всё узнать от неё лично. От таких паломников о ней узнал и я, и рассказал об этом на проповеди в Лазареву субботу — что бывают чудеса и в нашей жизни. Господь и сейчас призывает к покаянию. Для спасения и жизни вечной Господь может даже фанатично отрицающего Бога человека через смерть и воскрешение обратить в веру, как и Клавдию Устюжанину.

В 1966 году состоялось судебное разбирательство. Томичи поразили не только меня, но и судебные органы своей активностью. Сотни людей пошли в прокуратуру и устроили мне защиту. Писали письма с требованием, чтобы меня оставили в покое. Доказывали, что никто и никем не обманывался и не вводился в заблуждение, что они сами знали об этом чуде. Своей горячей поддержкой поставили в тупик всю прокуратуру.

Но тут Хрущев был отстранен, пришел Брежнев, и пошло новое политическое потепление. В Москве стали говорить о том, что судить людей за проповеди нельзя. Мое дело попало в Москву. Я тогда, будучи студентом Московской Духовной академии, взял разрешение для поездки в академию (имелась подписка о невыезде). И в Москве я подал документы уже в Совет по делам религий, в отдел юстиции. Они позвонили в Томск уполномоченному по делам религий, направили свое письменное заключение, и прокуратура в Томске закрыла дело — за отсутствием состава преступления. Скоро пришел другой уполномоченный — Добрынин и была продолжена программа борьбы с религией. Она была всегда — с переменным успехом в действии.

С 1966 до 1975 года в Томске меня терпели. За это время родился сын Владимир. Думать о просветительской работе в учебных заведениях не приходилось. Уполномоченный приходил в церковь, беседовал с родителями, вникая во все детали, выяснял, кто уговорил крестить детей или ходить в храм, кто какое влияние оказывает — усердия проявлялось больше, чем положено. Вылавливал тех, кто крестил ребенка без отца или матери — в те годы требовалось обязательное присутствие обоих родителей и роспись, подтверждающая их волю крестить ребенка.

Мы старались людям помочь, хотя чинились всяческие препятствия. К нам подсылали провокаторов, которые приходили и умоляли окрестить их ребенка без росписи, мол, боятся потерять работу. Мы шли навстречу людям. Это становилось достоянием уполномоченного, и тогда приходилось писать объяснительные. Таких провинившихся священников могли лишить регистрации, снять с богослужения или потребовать перевода в другое место служения.

В 1975 году отношения обострились. Усердие уполномоченного иногда перехлестывало через край. И приходилось обращаться в Москву. Бывали случаи, когда священник приходил к прихожанину домой на требы, и тут же приезжала милиция и забирала священника. Выясняли, по какому праву пришел домой причащать, имеется ли справка врача о том, что больной не может сам пойти в церковь. Любой выезд священника должен был быть санкционирован. Священников вылавливали, а наше неумное несогласие с уполномоченным заставляло нас писать в Москву.

Однажды уполномоченный уехал в отпуск, и за время его отсутствия мы переделали сарай в крестилку. Крестильная комната была небольшая. Было тесно и душно, особенно летом. За месяц, вместо старого досчатого угольного сарая был построен кирпичный крестильный храм. И обустроен. Там имелась и большая купель — крестить взрослых полным погружением. Угольный сарай стал не нужен. Местные власти дали разрешение провести в собор центральное отопление, чтобы прикрыть кочегарку. Наши молодые кочегары и сторожа вскоре становились священнослужителями. Это нашего уполномоченного доконало. Через несколько дней в Томской газете появилось несколько обвинительных статей о нарушении законодательства. Владыке Гедееву (Докукину) пришлось перевести меня в Новокузнецк в Михаило-Архангельскую церковь на место отца Василия Буглакова, а его на моё место в Томск.

В то время на месте нынешнего храма стояли два простых старых домика, кирпичного здания еще не было. Елохин Михаил Александрович был старостой Михаило-Архангельского храма. В храме давно требовался ремонт, а власти разрешения на ремонт не давали, надеясь закрыть его из-за аварийного состояния. Мы старались строить добрые отношения с властями, но, тем не менее, разрешения на ремонт не получили. Нам предлагали любое место выбирать в Абашево и там строить новую церковь. Но мы решили закрепиться на старом месте в центре города. Чтобы ослабить внимание властей, начали с малого. Мы добились разрешения провести отопление из близлежащего дома.

Верующие проявили необыкновенный энтузиазм: они из почти километровой канавы сутки вручную вычерпывали воду и грязь. Затем в течение недели соорудили кирпичную ограду и на каждой стороне выложили крест. Позже уже от отца Василия потребовали заложить кресты — «дабы не портили внешний вид» — мешали эти кресты чем-то городским властям. Следующей стройкой стал туалет. И каждый раз мы доказывали необходимость каждого малого строительства. Так понемногу мы строились, но необходимо было строить храм. К этому тщательно готовились. Из двух домиков решили один убрать, а вместо него начать строительство кирпичного храма. Действовали очень быстро.

Поскольку нам не разрешали строить так, как нам бы хотелось, мы пошли на хитрость. Решили выстроить глубокий подвал — мы знали, что со временем там оборудуем нижний храм. У нас уже было все готово к строительству храма. Разобрали один домик, вывезли его, выложили глубокий фундамент, и вот уже стены вверх пошли кирпичные. И тут начались ежедневные визиты властей. Потребовали предъявить разрешение на строительство, а его, естественно, не было. Наконец, поступило письменное запрещение на строительство. Вызвали Владыку, приехал уполномоченный из области. Выявили страшное нарушение: начата самовольная реставрация храма.

Но и мы не лыком были шиты. У нас уже имелась большая ограда, и как только власти подъезжали, священники расходились, прятались — начинались расспросы-допросы: «*Кто строит храм?*». Народ мудро отвечал: «*Мы строим, для себя строим. Разве мы не заслужили?*». Били себя в грудь. С народом трудно было воевать, надо было выявить виновного.

Эти месяца два стройка шла в страшном напряжении. Храм окружили милиционеры, они не пускали машины со стройматериалами, заставляли увольнять рабочих с работы, когда таких выявляли — за помощь в строительстве храма. Потому приходилось строить в основном тем, кто не имел постоянного места работы. Необходимо было как можно скорее накрыть храм крышей. Я знал, что в этом случае храм не разрушат, а недостроенный могли разрушить.

И мы день и ночь продолжали свое дело. Высота старого храма была не выше 4-х метров, и поэтому нам не разрешалось строить выше. Мы и здесь нашли выход. Они приходили, измеряли и постановляли, что выше уже храм нельзя строить. Ночью мы храм обсыпали землей, чтоб он еще хоть немножко выше был, и так по 20-30 см по ночам возводили. Они вновь приходили и обмеры производили, мы продолжали стройку. Так и успели построить храм и накрыть крышей, и меня вновь в срочном порядке перевели. Приезжал Владыка, он меня понимал и поддерживал, а внешне все ругали — надо было показать, что я являюсь непослушным, что я нарушаю предписания. Владыка забрал меня в Новосибирск на «исправление», чтобы заняться лично моим воспитанием. И когда вернулся о. Василий в Новокузнецк, власти, наконец, облегченно вздохнули. Он десятки лет прожил с властями в мире, без стычек.

Поругали меня какое-то время, повспоминали «пивоварщину» да и забыли. А о. Василий достроил уже каменный алтарь. Но о. Василий — человек мудрый — как и за ним не следили, а он 20-30 метров лишних прихватил, усыпив их бдительность, что не отступает от их указаний.

И вот я оказался в Новосибирске секретарем Епархиального управления. Почти все переводы священнослужителей осуществлялись по требованию светских властей, в связи с тем, что данный священник нежелателен в данном месте, нетерпим, вызывает раздражение, и тогда Владыка должен был переводить его в другое место. В Михайло-Архангельской церкви я прослужил 9 месяцев, в Новосибирск был уже наш 4-й переезд, мы купили там полдома. Это было наше первое своё жильё.

Постоянные переезды были большим испытанием для семьи. Гонения, переживания стали постоянными нашими спутниками. Семья осела в Новосибирске. Здесь дети закончили среднюю и музыкальную школы, и в этом заслуга моей супруги; воспитание детей полностью легло на ее плечи. Я никогда детьми не занимался. Духовное они воспринимали автоматически в семейном образе жизни. Никакая спецзадача не ставилась. Смыслом всей моей жизни всегда было служение Церкви и этим все сказано. Страсти улеглись, Москва забыла про новокузнецкие стройки, хотя по этому поводу даже нынешнего Патриарха Алексия II беспокоили. Он тогда был Управляющим делами Московского Патриархата. Его в Совет по делам религий вызывали: *«Что там за беспорядок такой? Не можете справиться, навести порядок, убрать одного священника?»*. Так отчитывали его.

В 1977 году Владыка Гедеон направил меня в Прокопьевск на восстановление церкви. Там тоже имелись два домика военного времени не подлежащие реставрации. Каждому доставалось свое. Мне надо было строить. На иконостасе в Покровской церкви картиночки были вместо икон. До весны шла подготовка, улаживались отношения с властями. И вновь шли долгие уговоры-переговоры с властями. Владыка Гедеон добивался права на строительство храма.

Мы в очередной раз избрали прежнюю тактику. Начинать с малого. Решили начать со строительства ограды. Выстроили все вручную с помощью трудолюбивого народа. Стали строить подсобные помещения: просфорню, прачечную и др. Там они и поныне стоят. Затем выстроили большой склад, чтобы его можно было перестроить впоследствии в храм. И опять началось то же

самое. Выложили фундамент, затем разразилась гроза. Строили, выигрывая каждый день, играя в кошки-мышки. Между приемами-вызовами соорудили крышу. И опять же в срочном порядке забрал меня Владыка на «исправление» в Новосибирск. И тут матушка моя, устав от бесконечных переездов, решила с детьми окончательно обосноваться в Новосибирске и никуда больше не переезжать. *«По этим стройкам мы больше не поедem. Сам, родимый, и неси эти страдания»*. Да и, действительно, смена школ начала отражаться на интересе детей к учебе.

Затем я служил в Ачинске в Казанском соборе. Там тоже строили: укрепили фундамент, крестилку перестроили. Владыка Гедеон направил меня в Ачинск делать обстрой, или, как он говорил, «выбросить десант». Приходской Совет в те времена возглавлял гражданский человек, что требовало двойной мудрости. Священник должен был выполнять все его предписания. Настоятелем Казанского собора я пробыл чуть меньше года. Господь помогал, и находились люди, которые не жалели себя, могли себя поставить под удар. Например, Михаил Александрович Елохин всегда говорил: *«Это мы строим, мы хотим, мы имеем право»*. Он никогда не подставлял под удар священника. Но были и такие, которые доносили, сообщали наши планы.

После Ачинска я снова был в Новосибирске. В этот период в Москве объявилась группа людей, которая занялась изданием религиозно-духовной литературы. Тогда молитвослов можно было приобрести только по блату. На храм в год выделялось, допустим, 5 Библий. Одну-две из них выпрашивали начальники города, которым отказать было невозможно. Затем гость какой приедет — непременно требовалось подарить. Эта литература издавалась крохотными тиражами, разрешалось 10 тысяч на всю страну в год. И если на 20-30 книг удавалось выпросить больше положенного, то это был ошеломляющий успех. И вот эти ребята разыскали нас и предложили купить у них церковные книги — ведь вся жизнь была построена на блате. И я начал ездить в Москву и привозить книги.

Эта деятельность очень быстро была выявлена по всей стране, имелись наблюдатели. И когда книг появилось больше, чем им положено, стали выяснять у верующих — откуда литература. Они бесхитростно отвечали — мол, из Москвы привезли. Быстро выявили ребят, осудили их, дали по 4-4,5 года. Это была группа из четырех человек. Естественно, внимание привлекла и моя персона. Меня не один, не два и не три раза предупреждали в течение этих лет, что моя деятельность не так закончится, как я думаю, что со мною все равно рассчитаются, что ничего мне не пройдет даром. Было — и кулаком по столу стучали. Мудрый Владыка Гедеон, желая спасти от преследований, направил меня служить в Енисейск Красноярского края.

Подошли андроповские времена. Началось стремление усилить правопорядок, появилась видимость торжества Закона, появилось стремление поставить все на свои места. Следователи по особо важным делам из КГБ не дремали, зорко следили за такими, как я. Меня все же арестовали и до суда девять месяцев держали в изоляции в тюрьме, надеясь, что перевернут всю страну. Громадное число людей перетрясли от Иркутска до Москвы. Нашли двоих, которые «подтвердили»: да, он такой-сякой, его надо судить, мол, он способен на антигосударственные дела. Этот процесс показал, насколько ошибались следователи, которые хотели опорочить церковь, доказать, что в церкви работает много предателей.

Хотя кэзгбешников было много, но в своих планах они потерпели полный провал. Сколько они пытались дискредитировать меня, сломить, доказывая, что на свободе все от меня давно отреклись, что все меня проклинали, но все это было ложью, садистской игрой.

Прошел жалкий суд, который ничего не доказал, все меня защищали, оправдывали; но заранее имелось указание, что надо посадить, тем более что я девять месяцев уже пробыл в тюрьме. Мне теперь знакома система правосудия, система тюрем. Мне пришлось сидеть в Новосибирской, Ачинской, Кызыльской тюрьмах, потом в Туве на зоне. Меня отправили как можно дальше, чтобы прекратилось всякое общение верующих со мной. Слава Богу, остался живой. Все знали, что я священник, и ко мне относились хорошо. Сколько мог, рассказывал, объяснял, просвещал людей. Там, в заключении, к себе был более строг, чем на свободе. Потому что на свободе расслабляешься.

К примеру, рассуждаешь так: раз я в дороге, значит, можно пост нарушить. А в тюрьме заключенные меня пытались подзадорить, мол, мы знаем, как вы, попы, в пост втихаря курочку едите. Заключенные меня, как священника, побудили своими речами сделать выбор — и я выполнял строго все правила. Трудность была в том, что не разрешали иметь церковную литературу. Я писал в Совет по делам религий, в разные инстанции, но разрешения мне так и не дали. Ответа никогда и никакого не было. Но мне помогли верующие.

Они от руки переписывали молитвы, акафисты, каноны и в письмах мне пересылали. И этим я пользовался. Когда я просидел больше половины срока, мне разрешили первое свидание. Приезжали брат Борис с моим сыном Володей, монахиня Любовь. Они привезли Евангелие и молитвослов. Я тайно пронес книги, но это стало известно уже через 10 дней. Меня вызвали и потребовали сдать литературу. Во всех бараках жило по 40 человек. Хоть я и читал по ночам, после отбоя, но все равно заметили, и мне пришлось расстаться с самым мне необходимым до освобождения. В годы моего заключения в тюрьмах бесчинствовали, с меня хотели даже крест сорвать. Но я не давал им этого сделать. Я всегда брал его в рот вместе с веревочкой. В этом плане меня немного щадили.

И, слава Богу, хотя мне дали 3,5 года, за хорошую работу меня «премировали» — освободили немножко раньше. Система советского правосудия пыталась из меня сделать «врага народа», а я привлекался по бытовой статье — за распространение литературы, но не за веру. На их провокации я не шел, а они пытались из меня сделать «политического». Я всегда им говорил, что я сознательный русский человек, против властей никогда не боролся, что служу верующим, а это разрешено нашей Конституцией. Их «политическое дело» лопнуло, как мыльный пузырь.

Этот процесс стал известен за рубежом. В средствах массовой информации сообщали о гонениях в России, а обо мне говорили, как о мученике, страдающем за веру Христову. Поскольку священников сидело не так много, я попал в список людей, о которых говорили, защищали, требовали освобождения. У меня и в мыслях не было кого-то компрометировать. Сам сознательно свое дело вел, никто меня на него не толкал. Это было мое служение. Со временем, когда страсти поутихли, Владыка Гедеон написал ходатайство о моем досрочном освобождении.

Состоялся суд, и меня направили в Кызыл на «химию». Стало легче: там имелась церковь. Я начал работать на кирпичном заводе, возил вагонетки, изучил специфику деятельности кирпичного завода. Хотя был поднадзорным и жил в общежитии, но я уже мог в воскресенье с разрешения пойти в церковь на службу. Стал исповедоваться, причащаться, однажды ночью тайно служил Литургию. Но и это стало известно. Вызвали местного батюшку куда следует, «намылили ему шею», пригрозили закрыть церковь. Я стал петь на клиросе как псаломщик. Я зарекомендовал себя: не пил, не курил, от работы не отказывался, и поэтому разрешили мне жить в частном доме вблизи церкви. Здесь было уже гораздо легче. Ко мне приезжали родные, мои бывшие

прихожане. Так я дождался последнего суда. В 1985 году умер папа, я слетал на похороны, и в конце года, через месяц после этого печального события, меня освободили.

Папа иногда ругал меня, что я довел себя до тюрьмы. Я отвечал: *«Ты первый пошел в тюрьму, подал пример, куда же мне было деваться»*. Он смирялся.

Я возвратился домой, к семье. Но тут начались другие проблемы. Я не мог никуда устроиться на службу — уполномоченные нигде меня не регистрировали. Объехал десяток епархий – меня никуда не принимали. Я вновь вернулся к своему Владыке Гедеону, и он, сжалившись надо мной, назначил в районный центр под Новосибирском, в Колывань, в Александро-Невскую церковь в помощь восьмидесятилетнему отцу Макарию, моему родственнику. Прослужил там полгода, начали строить новый храм, но тут случилась трагедия: в Омске убили архиепископа Мефодия. Владыка Гедеон был назначен временно Управляющим Омской епархией. Он перевел меня туда и назначил в Тобольск. Там уполномоченный — Замятин Николай Яковлевич — Божий человек, хороший человек. Он был не из чекистов, что было обычно, а журналист из газеты. Он немного иначе смотрел на жизнь и потому зарегистрировал меня для служения в Тобольске.

И вот я стал вновь уважаемым человеком, и власти города относились ко мне по-хорошему. В Омске я стал хлопотать об открытии духовного училища. С Божией помощью в Тобольске была открыта Духовная семинария. К 1000-летию крещения Руси церкви был возвращен старейший и единственный в Сибири Софийский собор Тобольского кремля. Затем пошли перемены, приехал новый епископ, и я попросил, чтобы меня направили в Прокопьевск или Новокузнецк, в родные места.

Владыка Софроний принял меня под свой святительский омофор и благословил меня на восстановление Преображенского собора. Я приехал в Новокузнецк, переночевал у отца Василия, который с любовью принял меня. Вот так состоялось мое возвращение в Новокузнецк.

Источник: «Отец Александр: воспоминания о митрофорном протоиерее Александре Ивановиче Пивоварове» / Гл. ред. — Карышев К.Л. — Новокузнецк: Сретение, 2008. — 248 с.